

ГРИГОРИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ

**Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н.
Ф. ФЕДОРОВ (В
СОКРАЩЕНИИ)**

Григорий Георгиевский
**Л. Н. Толстой и Н. Ф.
Федоров (в сокращении)**

«Public Domain»

1912

Георгиевский Г. П.

Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров (в сокращении) /
Г. П. Георгиевский — «Public Domain», 1912

«В многочисленных статьях и воспоминаниях о графе Л. Н. Толстом до сих пор не приходилось встретить почти никаких сообщений о взаимоотношениях двух замечательных москвичей, именно – великого писателя и не получившего широкой известности, но тоже весьма замечательного человека и философа Николая Федоровича Федорова. Среди друзей Толстого почти до конца XIX века Федоров пользовался авторитетом и уважением едва ли меньшим, чем Толстой, а во многих отношениях и случаях перед ним преклонялся и сам Лев Николаевич...»

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Григорий Георгиевский Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров (в сокращении)

В многочисленных статьях и воспоминаниях о графе Л. Н. Толстом до сих пор не приходилось встретить почти никаких сообщений о взаимоотношениях двух замечательных москвичей, именно – великого писателя и не получившего широкой известности, но тоже весьма замечательного человека и философа Николая Федоровича Федорова. Среди друзей Толстого почти до конца XIX века Федоров пользовался авторитетом и уважением едва ли меньшим, чем Толстой, а во многих отношениях и случаях перед ним преклонялся и сам Лев Николаевич. Я, как живой свидетель их сначала дружбы, а потом размолвки, считаю любопытным посильно осветить этот уголок биографии графа Л. Н. Толстого. Поневоле мне приходится начинать с Н. Ф. Федорова, которого немногие знали, а все знавшие безусловно уважали. Личность его и взгляды заслуживают полного внимания, и необходимо сохранить его в памяти потомства, так как он был крупной величиной в истории Москвы второй половины XIX века.

I

Николая Федоровича я стал знать уже в то время, когда он был преклонным старцем. Ему, по-видимому, был на исходе уже седьмой десяток лет.

Мне, совсем зеленому юноше, еще не сошедшему со школьной скамьи, его возраст, или, вернее, его старость, казались более глубокими. И в то же время меня с первого же раза поразила какой-то избыток жизни в этом, казалось, уже изжившем, изнуренном и изможденном старике: подвижный, живой, даже гибкий организм, звучный голос, быстрая и оживленная речь, богатство, разнообразие и острота мыслей – все это говорило скорее не о старости, а о времени полного расцвета сил в этом необыкновенном человеке.

Впрочем, и возраст Николая Федоровича точно не был известен никому. Те люди, которые раньше меня и давно уже знали его, говорили, что они все время знают его вот таким, каким он был в данный момент, что другим более молодым человеком, они не помнят и что годы, прошедшие со дня их первого знакомства с ним, не произвели в нем заметной перемены.

С течением времени и я не замечал в нем никакой крупной перемены, и каким я помню его при первом моем знакомстве с ним, таким же он представляется мне в моем воспоминании и в самые последние дни своей жизни. Он точно застыл и кристаллизировался в том виде, в каком впервые узнали в Москве этого замечательного и благообразного старца.

И все-таки впечатление несоответствия между казавшимся на первый взгляд преклонным возрастом Николая Федоровича и ключом бившею в нем жизнью поражало своей неожиданностью.

Так на темном кладбище вас иногда поражает своею неожиданностью ярко блеснувший свет неугасимой лампы...

Сам Николай Федорович никогда не говорил о своих годах, да и не любил отвечать на вопросы любопытствовавших о возрасте его, о прошлом, о происхождении. На деликатные вопросы он умел давать остроумные ответы, нисколько, однако, не просвещавшие вопрошавших по предметам их любопытства. На вопросы же наивные или навязчивые он или совершенно отмалчивался, или же с неудовольствием принимал удивленный вид и тоже спрашивал в свою очередь:

– А зачем это вам нужно? Уж не пишете ли вы некролог мой?.. А может быть, вас подослал Д. Д. Я.?

В этом молчании Николая Федоровича было что-то загадочное. Невольно чувствовалось что-то таинственное, быть может, крупное и трагичное и с общечеловеческой точки зрения, а быть может, что-нибудь совершенно личное, интимное, что так могуче отразилось на судьбе именно этого человека и что каждый другой мог не оценить и не понять...

В самом деле, Николай Федорович во всю жизнь и никому не обмолвился ни единым звуком о самых интересных моментах своей биографии: ни о родителях и родных, ни о родине и воспитании, ни о детстве и сверстниках, ни о молодости и начале службы, и очень мало об образовании своем в Ришельевском лицее в Одессе... Что же все это означало? Как будто самая жизнь Николая Федоровича началась только с того времени, как он пришел в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.